

УКРАИНСКОЕ УТРО.

(Отрывокъ.)

.... Чы довга ничь у насъ на клечалный не-
дили? — Вечирня зоря ще не погасне, а свипова
вже и заньмаешця; блысне *Визъ* (*), ша вже до-
копывшысь до сходу сонця.

Опъ и шеперь: шилки що зирочки засялы
у Бога мылосердного на небесахъ, шилки що
розсвишлысь, ша й по не зовсимъ ясно, а ны-
наче скризъ серпанокъ, — соловейко зпыхъ,
виперець заснувъ и гилочки по садкамъ дримаю-
чы ледве-ледве колышуща, шилки й чупе що
черезъ греблю, на лопокахъ водыця цидышця и

(*) *Возъ* — Большая медвѣдица или Колесница.

мовъ хпо ныщечкомъ казку каже, що пакъ и
дримаещя, а що усюды шыхесенько... Ажъ
ось — не довго: — зирочка покошылась... дали
друга... прешя... и поховалысь у сынёму неби,
мовъ у мори канулы, а прощаючысь зъ землею,
прошкы зпакнулы... опъ видъ ихъ слизонёкъ
пала роса на землю. Канула крапелька, заше-
лесило у аери и прокынувся вишырець, ша й
поколыхавъ шыхенько гилочки по садкамъ,
ша по лискамъ... опъ и попрокыдались пшычи
самочки, лупнулы очыцями, зацмокалы носыка-
мы... шушь заразъ ихъ самчыкы що была ныхъ
дрималы, попробуркувалысь, и зъ радощивъ — що
наспае вняшь Божій день и воны будуть зъ
своимы самычками лишашы, грашысь, любы-
пысь, и що може яка и яечко знесе — зъ ша-
кыхъ-по радощивъ заспывалы своихъ писенёкъ,
що рано й вечиръ хваляшь Господа Небесного,
Опця, мылосердного якъ чоловикови, пакъ уся-
кому звирю, пшыци, ша й самій манюсиньцїй кома-
шыци що й окомъ не вздрышь. А не хпо вже вы-
спизувашъ, якъ соловейко! — Защебешавъ, заля-
щавъ, зачыркавъ, засвыспавъ, заприщавъ... що
зшы́хне, ниби пошепче свойй самочки якъ їи лю-
бышь, а якъ и вона ёму шежъ скаже и похваля
ёго писенькы, що зъ радощивъ гукне на увесь са-

докъ... а якъ носы́ткамы поцилююща... шупть
винь вже и незпьямышца! Зажмурышца, защебече,
защерчышь, що ажъ нынче охрыпне, ша знову
ще дужче лясне, що задрыбоче, що ажъ духъ ёму
запираешца... ша всежъ шо шакъ гарно, шакъ
гарно, що розказашы не можно, а на души весело!

Опть и на бережахъ лыспя зашупошили про-
межъ себе, що й воны по ласци Божій будуть
красовашысь на ясному сонечку. Зхаменулась
правонька, якъ зкропыла їи небесная рисочка;
пиднялысь спебелынкы, розлукалысь квишчкы
и порозивавшы ршчкы свои, падыхалы на усю
долыну шакымъ пахомъ, що почувшы ёго, за-
будешъ про усе и шилки здыхнувши, подума-
ешъ: — Боже милосердный! Опець нашъ небес-
ный! И се усе, що шилки ё на земли, у води,
пидъ небесамы, се усе Ты, шилки по единому
милосердыю Своему для чоловика сотворыль
есы? А винь, сее мызернее созданые, ся былына,
ся пыль и порошына, чы винь же Тоби благо-
дарышь? и якъ?... О Боже праведный! Буды и
усегда мылоспывь намъ гришнымъ! — Билшь
сёго невміемо що и сказаць....

Опть и риденый шуманецъ павъ на ричеч-
ку, мовъ парубокъ прыголубывсь до дивчынонь-

кы, — и укупн зъ нею побиглы ховапысь межъ крупымы берегамы. Дали и хмарочки спалы розходыпысь, поридчалы и спалы звершашысь купкамы мовъ клубочки; розсипуашысь щобъ дапы дорогу для якогось пышного, важного госця, ниби царя якого, діючого добро усёму мыру — и покопылысь гешь-гешь за крупыи горы, щобъ шилки видпыля дывыпыся на те, що шупъ буде!... Ось и зачервонило на шій дорози, де ёму преба йшы и розислалось мовъ сукно, якъ кармазынь красне; дали, ныначе срибни квишкы по нёму хшо посыпавъ; а шупъ и увесь пущь спавъ, мовъ золошымъ пискомъ по червоному полю посыпаний.... Зазолопылысь и верхивья деревъ по лисамъ.... и ось золошый по ныхъ писокъ сыплещця по дереву ныжче, усе ныжче, ныжче... Усе зшыхло... чогось жде!... Спало вынырять изъ-за земли... що? — И свись, и огонь, и краса... и вже и на краёкъ его не можно зырниуны окомъ, щожъ буде якъ усе явишця мыру?... И золоши промыны видъ нёго обсыпалы усю землю, и самыи небеса спалы ниби ище краще. — Усе мовчышъ, жада, щобъ швыдче явилася у повни краса мыру!... Идешъ — выкопылося зо всимъ — озырнуло усю землю и ныначе повеливало: „Хвалише Господа, що создавъ и мене, и вась; и

кожний день посыла мене давань усёму миру
свищъ, и усякому дыханію жызь. "... Тупъ
зно́ва пшашечкы нынче по чьему наученью за-
щебешалы, усе мовъ знова ожыло, чоловикъ зновъ
прынявсь за дило свое... и що то: увесь миръ
израдовався!

Грицько Основьяненко.

